

UDK 811.163.1'367

Владимир А. Плунгян (Vladimir A. Plungian)

Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия;
Институт русского языка им. Виноградова Российской академии наук, Москва,
Россия
plungian@gmail.com

Анна Ю. Урманчиева (Anna Yu. Urmanchieva)

Институт лингвистических исследований Российской академии наук,
Санкт-Петербург; Институт языкознания Российской академии наук, Москва, Россия
urmanna@yandex.ru

К ТИПОЛОГИИ НЕРЕЗУЛЬТАТИВНОГО ПЕРФЕКТА

(на материале старославянского языка)¹

В работе предпринята попытка приблизиться к пониманию семантики старославянского перфекта — аналитической глагольной формы, состоящей из *l*-причастия смыслового глагола и вспомогательного глагола *byti* в презенсе. Выделены типичные контексты употребления данной формы; основной задачей исследования является оценить получившийся «семантический портрет» старославянского перфекта с точки зрения типологических ожиданий, сформировавшихся в отношении перфектных форм в языках мира. Показано, что роль результивного компонента в семантике перфекта является, вопреки этим ожиданиям, минимальной.

Ключевые слова: перфект, результиватив, старославянский язык, грамматикализация

This article approaches the intricate grammatical semantics of the periphrastic perfect form in Old Church Slavonic (consisting of the *l*-participle and present-tense forms of the auxiliary *byti* 'be'). Typical uses of this form are discussed in detail; the main objective of the article is to assess the resulting “semantic portrait” of the OCS perfect from a cross-linguistic perspective. It is argued that contrary to typological expectations, the role of the resultative component in the semantics of the OCS perfect is minor (if it exists at all).

Keywords: perfect, resultative, Old Church Slavonic, grammaticalization

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта РНФ «Диахронически нестабильные аспектуальные категории» № 14-18-02624.

1 Старославянский перфект: введение

В целом при описании старославянского перфекта² исследователи, как кажется, часто поддаются своего рода магии термина и исходят из того, что форма, традиционно называемая перфектом, должна более или менее соответствовать общетипологическим представлениям о данной граммеме. В этих представлениях центральную роль, как известно, играют результативные употребления: классический перфект ожидается прежде всего при описании ситуаций, результирующая фаза которых сохраняется в момент речи. В случае старославянского перфекта нас, однако, должен насторожить тот факт, что как раз для результативных контекстов его употребление крайне нехарактерно. Ниже в качестве типичной иллюстрации приводятся примеры из Марииинского Евангелия, содержащие аорист в результативных контекстах; для сравнения приводятся английские версии этих же фрагментов (по King James Bible), где последовательно употреблен перфект:

1. егда же ѿнъ твои съ. Изъды твое имѣние съ любодѣицами приде. **закла** емоу телець питомы. (Lk. 15.30)
But as soon as this thy son was come, which hath devoured thy living with harlots, thou **hast killed** for him the fatted calf.
2. І гла емоу. всѣкъ ѿлкъ прѣжде доброе вино полагаать. І егда оупиѣтъ сѧ тогда тачѣѣ. ты же **сѣблюде** доброе вино до селѣ. (In. 2.10)
And saith unto him, Every man at the beginning doth set forth good wine; and when men have well drunk, then that which is worse: but thou **hast kept** the good wine until now.³
3. І рече рабѣ. ги бысть ѣкоже **повелѣ**. и еште мѣсто естъ. (Lk. 14.22)
And the servant said, Lord, it is done as thou **hast commanded**, and yet there is room.
4. Іс же възведе въ іспрь очи и рече. Оѣче хвалѣж тебѣ въздаѣж. ѣко **оуслыша** ма: азъ же вѣдѣхъ. ѣко всегда мене послоушаеши. нъ народа ради стоѣштааго окръсть рѣхъ. да вѣрж имѣтъ ѣко ты ма **посѣла**. (In 11.41–42)
And Jesus lifted up his eyes, and said, Father, I thank thee that thou **hast heard** me. And I knew that thou hearest me always: but because of the people which stand by I said it, that they may believe that thou **hast sent** me.

Аналогичные примеры можно привести и из других памятников. С другой стороны, употребление старославянского перфекта возможно в контекстах, где описывается ситуация с аннулированным результатом. Так, показателен

² Что касается изучения семантики старославянской перфектной формы, то наиболее детальными остаются достаточно давние исследования И. К. Буниной (1959: 55–78 и 1970: 118–29) и М. Деяновой (1970: 129–50). Авторы указанных работ пытаются сформулировать абстрактное инвариантное значение перфектной формы, заключающееся, по их мнению, в том, что перфект употребляется для описания ситуаций, создающих «предпосылки для реализации» некоторой другой ситуации, хронологически следующей за описываемой. В данной работе предлагается несколько иной подход: мы отказываемся от попытки выделения единого инвариантного значения в пользу более дробного описания семантики основных контекстов употребления глагольной формы (ср. обсуждение этой проблематики в Плунгян 2011).

- 1) результативная семантика часто выражается аористными формами;
- 2) антирезультативный характер контекста не накладывает ограничения на употребление перфектных форм.

Тем самым, ничто не свидетельствует о том, что результативная семантика является тем параметром, который предопределяет употребление перфекта.

2 Старославянский перфект: анализ материала

Проанализируем теперь более детально те контексты, в которых перфект употребляется. Как мы уже видели из (5) и (6), это могут быть экзистенциальные (и, в частности, экспериенциальные контексты). Много таких примеров представлено в Мариинском Евангелии:

7. іѣ же рече имъ. ей. **нѣсте ли чѣли** николиже. ѣко из оустъ младънечъ и съсжштихъ съвршиль еси хвалж. (Mt. 21.16, тот же контекст – Mt. 12.3, 12.5, 19.4, 21.42, 22.31, Mk. 2.25, 12.10, 12.26, Lk. 6.3)
8. ставъ же закъхеи рече къ гѣ. се поль имѣниѣ моего гѣ дамъ ништиимъ. І аште **есмъ кого чимъ обидѣль**. възврацж четворицежъ. (Lk. 19.81)
9. се толико лѣтъ работаж тебѣ. І николиже заповѣди твоеѣ не прѣстжпихъ. І мнѣ николиже **не даль еси** козълате. (Lk. 15.29)
10. отвѣшташа слоугы. николиже тако **есть глѣ** члвкъ. ѣко съ члвкъ. (Jn. 7.46)
11. отвѣшта имъ йсъ и рече. аминь амнь глѣж вамъ. штете мене не ѣко видѣсте знамение. нъ ѣко **ѣли есте** хлѣбы и насытисте сѧ. (Jn. 6.26)

Аналогичные примеры можно привести и из Супрасльской рукописи:

12. **нѣси ли николиже плаваль** по мору. да бы бувѣдѣль страхъ ѣго.
13. кгда **ѣси видель** господина робомъ продаема

Помимо этого, перфект часто употребляется в тех контекстах, где ситуация не столько описывается сама по себе, сколько указывается, что она является существенной характеристикой либо субъекта действия, как в (14)–(17), либо «протагониста» дискурсивного фрагмента, как в (18)–(20), где называются действия Господа, но по сути описывается значительное влияние, оказываемое ими на личность тех людей, о которых говорится в цитируемых фрагментах. Как легко заметить, в (14)–(20) употребляются предикаты особой семантической группы, описывающие существенные изменения человеческой личности:

14. не вѣси что продаеши йудо **отъмилло та ѣсть** сѣребролюбства пианьство

15. **нѣси ли кѣште покориль са** жрѣти богомъ·
16. не вѣроуѣши ли пророкоу· вѣроуи' акы жѣциѣ· аште **нѣси** и словесы **отъврѣгль** жѣчиѣства·
17. нѣсть се мое дѣло. о семь бо чиноу бѣсовствѣмъ начальнѣмъ. нѣсмъ са кѣште съподобиль благодѣти. нѣ сии даръ. паула естъ прѣпростааго.
18. тако ми хъ бѣ нашъ **вѣмѣстиль са кѣсть**
19. и мене грѣшѣнааго и недостойнааго **съподобиль кѣси**. имене твоѣго ради се все пострадати.
20. сътвори са самъ знамение въ благо. да оувѣдати **тако помиловаль а кѣси**

Предикаты приведенных выше примеров (14)–(20) обладают одной важной особенностью: они не описывают конкретные, локализуемые во времени ситуации, а скорее представляют собой «резюме» определенного событийного ряда, выявляя его истинный смысл при помощи глаголов определенных семантических групп: эти глаголы в большей степени *характеризуют* ситуацию, нежели *описывают* ее. На наш взгляд, именно эта операция анализа событийного ряда, которая «на выходе» дает предикат характеристического типа, обуславливает употребление формы перфекта. В памятниках встречаются также прагматически более яркие контексты, в которых эта операция резюмирования событийного ряда обозначена эксплицитно. В этом случае в контексте описываются некоторые реальные ситуации, к которым затем и применяется операция анализа событийного ряда (впрочем, относительный порядок резюмирующей перфектной и описательной аористной частей не является существенным, ср. (22), где интерпретационный перфект предшествует аористу, называющему конкретную ситуацию). При этом перфектная форма, как бы подводит итог этим событиям, не *описывая*, а *характеризуя* их. Такие употребления являются очень яркой чертой старославянского перфекта; ниже мы будем обозначать их как *интерпретационные*. Ниже приводятся несколько примеров из Супрасльской рукописи, (21) и (22) – из житийной части минеи, (23) и (24) – из гомилий, для которых характерно употребление перфектов третьего лица единственного числа без связки:

21. ты кѣси богъ творилъ чоудеса. сѣштла бо на ны по насъ сътвори. и лишение четырь' десатъ **наплѣниль кѣси**.
22. ты **началь кѣси** дѣло· ненавидимое отъ богъ и самодръжець· иже стави насъ посрѣдѣ рѣкы влѣшѣствомъ своимъ
23. и съврѣгъ ризы къ нагимъ са примѣси. а вѣпиа тожде звание сватыхъ. крѣстьянъ кѣсмъ. и напраснѣемъ прѣложения. чоудо сътвориль зрѣаштиимъ. чисма же **наплѣниль**. и печаль бывшѣжѣ. о оубѣжавѣшимъ приложениемъ своимъ **оутѣшилъ**. [...]. видѣ небесъска' чоудеса. позна истинѣ. прибѣже

къ владыцѣ. причте сѧ съ мѣченикы. **обновиль** еже о обученицѣхъ. отиде и юда. и въниде за нѣ матѣя.

24. мати ед'ного блаженныхъ. тѣхъ видѣвши прокыхъ. оуже студениѣ оумерьша. а своего иначе дыхаша. [...] сама своимъ рѣкамъ възем'ши на рамо. възложи на кола. на нихъже прочи иже лежаште. на огнь везоми бѣахъ. [...] по истинѣ. добра корене добра же и лѣторасль. показа доблая мати. яко обучениими благыа въры **въскрѣмила** и паче. неже млѣкомъ.

Интерпретационные употребления особенно часто встречаются в Синайском евхологии (в силу того, что в нем наиболее частотны соответствующие контексты). Именно в этом памятнике очень ярко проявляется следующая тенденция в распределении аористов и перфектов: аорист используется для описания конкретных ситуаций, перфект – для интерпретации этих ситуаций. Синайский требник состоит из молитв, совершаемых по особым нуждам верующих: благословение какой-либо деятельности, исцеление от различных недугов и пр. Часть этих молитв построена по одной и той же схеме: в земной жизни Иисуса выбирается ситуация, в которой можно, условно говоря, усмотреть определенный параллелизм с ситуацией, в которой необходимо произнести молитву. Соответственно, в первой части молитвы описывается соответствующий фрагмент жизни Иисуса, а о второй части молитвы формулируется собственно сама просьба. При этом, как правило, первая часть молитвы имеет следующую структуру: называется некоторое конкретное событие, после чего появляется клауза с интерпретационным перфектом, который выявляет истинный смысл, приписываемый данной ситуации как в общехристианском контексте, так и, более прагматически, в контексте произнесения молитвы на конкретную потребу. Во второй части молитвы обращение к Господу, в сущности, формулируется как просьба воспроизвести именно эти «скрытые последствия», и тем самым оказать помощь верующим. Характерно, что во второй части молитвы часто используются императивы от тех же (или семантически очень близких) глаголов, которые в первой части молитвы употреблены в перфекте. Ниже приводятся два примера; в них *курсивом* выделены описания конкретных ситуаций (это могут быть аористы, причастия, отглагольные имена), **полужирным шрифтом** выделены интерпретационные перфекты, описывающие «символические» последствия этих ситуаций, и, наконец, разрядкой выделены императивы, при помощи которых формулируется просьба, которой и посвящена данная молитва:

25. Гі ісхе бже нашъ *простеры нозѣ свои на распонѣ* **ократиль еси** всѧ пѣти нечътивыхъ і всѣмъ неприѣземъ і всѣмъ недѣгомъ і всѣмъ болѣзнемъ *пригвождениемъ плесноу своею* **пригвоздиль еси** срѣце всѣкому недѣгоу *истръганиемъ жилъ своихъ* **оумрътвилъ еси** силы всѣкому недѣгоу *рыжщомуу жилы і болѣзньиъ своеѣ* **похоулилъ еси** всѣкъ болѣзнь ты рачи *нынѣ пригвоздити* срѣце недѣгоу семоу сщцѣмоу въ ногу сею і *похоулити* болѣзнь сиѣ одръжашѣ нозѣ си стоѣщии прѣдъ тобоѣ

26. *Приемы понѣвъж отъ рѣжоу чловѣчу прикрѣвение тѣлоу своему отъ раба твоего иосифа **прикрыль еси** вса грѣхы рабѣ твоихъ съгрѣшающимъ и не отъметающимъ са тебѣ ты вѣко гѣ рачи нынѣ прикрыти грѣхы моѣ и прияти словеса моѣ отъ оустъ моихъ грѣшныхъ раба твоего ради болащаго, имѣ, принесенаго на носилѣхъ прѣдъ лице твое просѣщаго цѣльве отъ тебе*

В рассмотренных до сих пор примерах характеризующая семантика перфекта устанавливалась достаточно легко: это были либо предикаты определенных семантических типов, либо интерпретационные контексты, в которых эксплицитно противопоставлено описание конкретной ситуации и ее интерпретация. Теперь перейдем к менее очевидным случаям, в которых для выявления характеризующей семантики перфектной формы необходимо рассматривать более широкий контекст.

Рассмотрим два примера из Синайской псалтыри. В (27) перфектные предикаты называют действия, факт совершения которых важен не сам по себе, а как характеристика субъекта – перфектные предикации характеризуют творца таким образом, что подтверждают слова о том, что Земля и все наполняющее ее принадлежат ему:

27. ГИѢ есть земѣѣ и-сплненье-ѣа: Вѣселена и вѣс.1 живѣште1 на не1: Ты на морихъ *основаль ѣж есть*: И на рѣкахъ *оуготваль ѣж есть* (Пс. 23)

В следующем примере (28) ряд перфектных форм используется для ответа на вопрос ‘что есть человек’ – в данном случае характеризационная роль перфекта проявляется в том, что в коммуникативном фокусе данного отрывка находится утверждение, что Господь многое доверил человеку, так что он немногим уступает ангелам. Перфектные формы здесь называют различные события, упоминание которых призвано характеризовать человека таким образом, чтобы подтвердить этот тезис⁴:

28. Чѣто есть члѣкъ ѣко помънши и: ли снѣ члѣкъ ѣко посѣщаше1 его: *Оумниль i еси* маломъ чмѣ от анѣлг: славоѣж и чествѣж *вънчалъ и еси: и поставиль i еси* на-д-ѣлы рѣжоу твоею: Вѣсѣ *покориль еси* подѣ носѣ его: овцѣа i волы вѣсѣа: (Пс. 8)

Яркий пример характеризационного перфекта представлен следующим отрывком из гомилии Супрасльской рукописи. Коммуникативная цель цитируемого фрагмента – не *описание* деяний Христа, а перечисление некоторых событий, через совершение которых он характеризуется; в (29) это эксплицитно резюмируется

⁴ Обратим внимание на то, что и в данном случае нельзя говорить о том, что перфект характеризует именно субъект ситуации: как кажется, привязка перфекта к объекту характеристики осуществляется более сложным образом, не на строго синтаксическом уровне, а на коммуникативно-прагматическом. Очевидно, что в данном примере перфект исполняет характеризационную функцию не по отношению к субъекту ситуации (Богу), а по отношению к топику данного фрагмента (человеку)

следующими словами: си дѣла въ истинѣ сѣтъ божиа силы, си дѣла далече сѣтъ съмрътнаго естѣства:

29. ... естѣство водноѣ въ вино прѣложивыи безмѣрно множество отъ малъ хлѣбъ прѣпитѣль. въ поуустыни прогналъ словомъ множество бѣсъ. слово испуштааше и проганааше недѣгы. посылааше глаголь и отъхождаахъ страсти. брънѣемъ обнавѣаше зѣници очию. оумьръшаа яко съпаштаа глашааше, хромыа на теченыѣ словомъ зѣвааше. ослабѣенааго исцѣливъ дѣлателя одроу своѣмоу показаль. походилъ якоже по соуху врѣхоу морта. боурѣ вѣтрѣнѣ оутолилъ словомъ. атиѣ краа ризы крадѣаше ицѣленьа мыгара апостолы творѣаше, блѣдницѣ плакавшѣ са въ небесьскыи крагѣ наставѣаше. Се къ себѣ глаголаста и бесѣдоваста си дѣла въ истинѣ сѣтъ божиа силы, си дѣла далече сѣтъ съмрътнаго естѣства.

Примеры (27), (28), (29) особенно ярко могут проиллюстрировать еще одно понятие, которое в самое последнее время обсуждается в связи со значением перфекта. Речь идет о понятии факта в противопоставлении понятию события. В некотором смысле в лингвистике факт является производным от события, ср. определения Н. Д. Арутюновой: «Факт ... есть способ анализа событий действительности, имеющего своей целью выделение в них таких сторон, которые релевантны с точки зрения семантики текста» [Арутюнова 1988: 162], а также «Имя факт ориентировано на мир знания, т. е. на логическое пространство, организованное координатой истины и лжи, имя событие ориентировано на поток происходящего в реальном пространстве и времени». [Арутюнова 1988: 168]. Наконец, следующая цитата непосредственно коррелирует с теми употребленными перфекта для описания фактов, которые представлены в (28)—(31): «факт – это тень, отброшенная событием на экран знания» [Арутюнова 1988: 139]. Действительно, в цитированных отрывках не описываются события, а перечисляются факты, определенным образом характеризующие человека. Понятие факта в самое последнее время обсуждается в связи с описанием семантики перфектных форм типологически далеких друг от друга языков, ср. статью [Майсак 2016] об удинском и статью [Козлов 2016] о мокшанском.

В то же время, признавая эвристическую полезность противопоставления «факт–событие», можно предложить отказаться от него в пользу семантически более универсального противопоставления, которое позволило бы связать воедино несколько употреблений старославянского перфекта. Дело в том, что в тех примерах, которые выше назывались интерпретационными, как кажется, равно затруднительно описывать ситуацию и как событие, и как факт. Если, следуя метафорическому определению Н. Д. Арутюновой, считать факт абстракцией первой степени по отношению к событию, интерпретационные контексты (в нашем понимании) следует, вероятно, считать абстракцией следующей степени. Можно предложить такое понятие, которое объединило бы фактивные и интерпретационные употребления перфекта, ориентируясь не столько на семантику отдельно взятой пропозиции, сколько на ее коммуникативную роль: а именно,

некоторый фрагмент текста может быть ориентирован на описание ситуации, а может быть ориентирован на ее обсуждение⁵. Именно в дискурсивных фрагментах с функцией обсуждения могут возникать как фактивные, так и интерпретационные употребления перфекта.

Таким образом, мы видим, что старославянский перфект демонстрирует прежде всего характеризующие употребления (в широком смысле: среди его употреблений есть те, которые следует трактовать как экзистенциальные, как фактивные, как интерпретационные). Тем самым, его употребления не коррелируют с результативной семантикой: с одной стороны, в результативных контекстах может употребляться аорист, с другой стороны, перфект индифферентен к противопоставлению результативных и нерезультативных ситуаций, так как он может описывать как ситуации с сохраняющимся, так и ситуации с аннулированным результатом.

3 Сопоставление старославянского и македонского перфекта

Первое и, казалось бы, самое естественное объяснение отсутствия результативных употреблений перфекта — то, что они были утрачены. Действительно, типологически засвидетельствовано развитие перфекта в сторону специализированной экзистенциальной (или, в более привычной терминологии, экспериенциальной) формы, см. [Вострикова 2009]. Возможно также развитие у перфекта иных значений — например, из эвиденциальной сферы (по этому пути, собственно, и происходило семантическое развитие перфекта в болгарском и македонском). В частности, в македонистике «старый» перфект (из трех македонских перфектов имеется в виду именно старый перфект с *л*-причастием, типа *сум дошол*) традиционно квалифицируется именно как *утративший результативную семантику* и *приобретший эвиденциальную семантику* (инферентивную и репортативную, а в дальнейшем также адмиративную, ср. [Friedman 2004]). В. Фридман при этом показывает, что старый перфект в современном македонском, безусловно, используется в тех контекстах, где требуются формы косвенной эвиденциальности, однако он маркирует не столько источник информации, сколько значение, которое Фридман определяет как *неконфирмативность* (пониженную степень ассерции). Для описания балканской неконфирмативности (в частности, выражаемой македонской *л*-формой) В. Фридман предлагает следующую схему:

«НЕКОНФИРМАТИВНОСТЬ

соответствующая обстоятельствам

несоответствующая

⁵ В принципе, такая трактовка отчасти согласуется с давно известным утверждением относительно того, что перфект является не нарративной, а диалогической глагольной формой: действительно, нарративы ориентированы именно на описание событий. Однако следует отметить, что именно использование понятий описания и обсуждения позволяет разграничить в рамках диалога те клаузы, в которых ожидаем перфект, и те клаузы, в которых его употребление маловероятно. Предлагаемых понятия использованы для описания сходной семантической оппозиции в типологически далеком от старославянского ненецком языке в [Урманчиева 2016].

(felicitous)	обстоятельствам (infelicitous)
а. нейтральный результатив	а. дубитатив (ирония, сарказм)
б. репортатив	б. адмиратив (удивление)
в. инферентив»	[Friedman 2004b: 104]

Так, В. Фридман пишет, что македонская фраза *Ti si bil vo America* ‘Ты был в Америке’ может иметь следующие интерпретации:

- (a) Говорящий видел адресата в Америке и делает общее или результативное утверждение общего или результативного характера о имевшем место факте.
- (b) Кто-то сказал говорящему, а он, в свою очередь, сказал слушающему, что слышал о его путешествии.
- (c) Говорящий видит, что адресат носит футболку с эмблемой “Chicago Bulls” и делает соответствующий вывод.
- (d) Адресат сказал говорящему, что он был в Америке, но говорящий ему не верит. Другой возможный контекст – адресат звонит говорящему и сообщает ему, что находится в Америке, говорящий же в ответ выражает свое сомнение данной фразой; в этом случае правильным переводом будет форма настоящего времени;
- (e) Говорящий сам находится в Америке и неожиданно встречает адресата; и в этом случае корректно будет перевести данную фразу настоящим временем. Необходимо отметить, что в этом последнем употреблении неконфирмативность заключается в том, что удивление предполагает, что говорящий не желает подтверждать (принимать) некоторый факт вплоть до момента его неожиданного обнаружения [Friedman 2004b: 107 со ссылкой на Friedman 1981].

В этом кластере неконфирмативных, в терминологии Фридмана, значений особняком стоит значение общего или результативного утверждения, так как не вполне ясно, в чем в данном случае проявляется неконфирмативность. Однако можно обратиться к недавней работе [Макарова 2016], в которой анализируются употребления всех трех македонских перфектных форм в западномакедонских диалектах. Автор указанной работы сосредотачивается в основном на выражении «старым» перфектом с л-причастием репортативных, миративных и дубитативных значений. Однако любопытно вкратце охарактеризовать те примеры, которые А. Л. Макарова относит к употреблениям в контекстах прямой засвидетельствованности (по-видимому, именно они соответствуют той группе употреблений, которые у В. Фридмана обозначены как утверждение общего или результативного характера).

«Л-перфект возможен (редко) в перфектных значениях даже в «засвидетельствованных» контекстах: *Скопје многу пати сум била* ‘Я много раз была в Скопье’ (экспериментальный перфект); *другар ни премногу се променил* ‘наш друг очень изменился’ (результативный перфект);

Встречаются примеры употребления л-перфекта в значении прекращенного прошедшего, в рассказах о далеком прошлом:

- (8) *И сеа веруваме и, ето, напред сме верувале.*
'И сейчас мы верим и, вот, раньше верили'.
(9) *Напред шиеле, знаш? Шиеле.*
'Раньше шили, знаешь? Шили'.

При этом часто можно встретить употребление л-перфекта в данной функции в излюбленном для пожилого балканского человека (выросшего в традиционной среде) контексте противопоставления «правильного» прошлого и «неправильного» настоящего. [Макарова 2016: 222]

Как можно видеть, все эти употребления л-перфекта в западномакедонских диалектах находят соответствия среди описанных в данной статье употреблений старославянского перфекта: это значение экспериенциального перфекта (*Скопје многу пати сум била* 'Я много раз была в Скопье'), значение нелокализуемой во времени ситуации, описывающей существенное изменение субъекта ситуации⁶ (*другар ни премногу се променил* 'наш друг очень изменился'), и, наконец, значение экзистенциального перфекта, в том числе в контекстах прекращенного прошлого. Тем самым, можно сказать, что македонский л-перфект маргинально сохранил те употребления, которые были характерны для старославянского перфекта, и что в их ряду нет результативных употреблений, как нет их и в ряду употреблений старославянского перфекта.

Дополнительно можно высказать одно предположение о семантической эволюции южнославянского перфекта в формы с эвиденциальной семантикой: общепризнанным и неоспоримым является тот факт, что эвиденциальный характер перфекта представляет собой яркую черту балканского ареала, однако, возможно, в реализации данного семантического перехода сыграли определенную роль не только внешние экстралингвистические, но и внутренние, собственно языковые факторы. А именно, такой семантической эволюции могло благоприятствовать то обстоятельство, что характерные для старославянского интерпретационные употребления, предполагающие утверждение, сделанное на основании анализа некоторого событийного ряда, в действительности не так уж далеки от собственно инферентивных употреблений, также предполагающих логическую операцию анализа некоторых проявлений ситуации. Разница между интерпретационными и инферентивными употреблениями состоит в том, что в интерпретационных употреблениях реконструируется некоторая умозрительная ситуация, как в (30), а в инферентивных — реальная, как в болг. примере (31)

⁶ В терминологии данной статьи этот круг употреблений естественно объединить с интерпретационными, так как утверждения такого рода, как правило, также возникают в результате резюмирования некоторого событийного ряда.

30. останѣте съ. по чѣто ѣ троуждаате. добро бо дѣло съдѣла о мнѣ. всегда бо ништѣмѣ имате съ собоѣж. ꙗгда хочете можете имѣ добро творити. а мене не всегда имате. еже имѣ си сътвори *Варула естѣ* похризмити гѣло мое на погребение. (Мк. 14.61)
31. то лежеше като мъртво и много от хората си помислиха че **е умряло** (Мк. 9.26)

Таким образом, и круг употреблений л-перфекта в македонском не позволяет обнаружить каких-либо следов результативных употреблений этой формы. Как уже говорилось, традиционно принято говорить об утрате македонским л-перфектом результативных употреблений, и для македонского такое предположение могло бы подкрепляться тем обстоятельством, что в македонском возник новый перфект с результативным значением (*има* + пассивное причастие в форме ср. р. ед. ч.). Тем самым, можно было бы считать, что новая форма начала обслуживать те контексты, которые традиционно были закреплены за л-перфектом, однако сопоставление «неэвиденциальных» употреблений македонского л-перфекта с употреблениями соответствующей старославянской формы показывает, что появление в системе результативного перфекта не привело к сужению круга употреблений л-перфекта.

Тем самым, можно высказать и другое предположение – что собственно результативные употребления изначально не были характерны для старославянского перфекта. Действительно, в конструкции старославянского перфекта как будто бы никакой элемент не отвечает за результативность. В этой конструкции используется бытийный вспомогательный глагол; можно ожидать, что в отличие от европейских посессивных *иметь*-перфектов, конструкция которых ориентирована на объект, и потому на результативность, славянский непосессивный *быть*-перфект в большей степени ориентирован на характеристику субъекта действия.

4 Структурный тип старославянского перфекта и сопоставление старославянского и болгарского перфекта

Что касается входящего в состав перфектной формы л-причастия, то за пределами аналитических конструкций в ст.-сл. для него засвидетельствованы немногочисленные употребления: «Без вспомогательного глагола эта форма употребляется редко, [...] когда она образована от непереходных глаголов и, являясь в этом случае прилагательным, имеет значение, близкое к перфектному причастию: зърѣль от зърѣти, оуныль от оуны» [Вайан 1952: 276]. Отметим, что те же самые ограничения на образование л-адъективов мы находим, например, и в современном русском языке: они образуются только от непереходных глаголов (возможно, это свидетельствует о том, что исходной следует признать характеризационную интранзитивную конструкцию, которая потом, вероятно, была расширена на транзитивные глаголы). При этом и в атрибутивных употреблениях эта форма может выражать именно характеризационную семантику, ср. различие между *отставший* и *отсталый*, *пришедший* и *пришлый*; особенно ярко это проявляется в семантике образований от неопределенных глаголов: *лежалый*,

бывалый, спелый, зрелый. Ни один из славянских языков также не дает оснований считать эту форму результативной.

Естественно, исходные семантические характеристики конструкции, грамматикализованной в качестве перфектной формы, не могут полностью предопределять ее семантику, так как с течением времени эта конструкция может изменять круг употреблений. Но все же, например, данные исследования [Сичинава 2016] косвенно свидетельствуют о том, что круг употреблений посессивных и непосессивных перфектов может несколько различаться. В цитируемом исследовании изучалось употребление перфекта по данным параллельного многоязычного корпуса для двух текстов: «Алисы в стране чудес» и «Винни-Пуха»; по результатам были составлены NeighbourNet, которые позволяют сделать следующие наблюдения. NeighbourNet для перфекта в «Винни-Пухе» отчетливо демонстрирует группировку *быть*-перфектов в нижней части схемы, противопоставленную группе *иметь*-перфектов в верхней части схемы. С другой стороны, NeighbourNet для перфекта в «Алисе в стране чудес» позволяет выявить определенные семантические характеристики болгарского и македонского перфектов, так как они оказываются в относительной близости от греческого и португальского, «в которых перфект сохраняется прежде всего в контексте экспериенциального значения» [Сичинава 2016: 104]. Таким образом, эти две схемы позволяют предполагать следующее. Во-первых, тип конструкции, грамматикализованной в качестве перфектной, может предопределять некоторые особенности семантического портрета перфекта в данном языке. В недавнем типологическом обзоре перфекта была высказана сходная идея: «Таким образом, семантика перфекта, как бы ее ни определять и ни интерпретировать, существенным образом зависит от источника и пути грамматикализации перфекта, а также от структурного типа перфекта. Как кажется, наиболее плодотворный подход к пониманию специфики перфекта в языках мира и мог бы состоять в том, чтобы попытаться найти корреляцию между этими внешними параметрами и семантикой перфектной грамме́мы» [Плунгян 2016: 15]. В настоящем исследовании мы развиваем эту тему, связывая семантику старославянского перфекта с его структурным типом (бытийный глагол + причастие с характеристизационной семантикой).

Во-вторых, судя по NeighbourNet для перфекта в «Алисе в стране чудес», болгарский и македонский перфекты близки по значению именно к экспериенциальным перфектам других языков. Очевидно, что перфекты могут попадать в группу преимущественно экспериенциальных разными путями: так, лежащая в основе португальского перфекта *иметь*-конструкция, как и параллели из других романских языков, позволяют говорить о том, что употребления португальского перфекта скорее сузились до экспериенциальных контекстов. Однако, возможно, резонно предполагать, что в случае старославянского перфекта экспериенциальность (или, точнее, экзистенциальность) была *исходно* тем семантическим ядром, которое было присуще этой форме. Об этом косвенно свидетельствует и исследование [Бунина 1970]: сопоставление Мариинского Евангелия с современным болгарским переводом Нового Завета выявило, что количество употреблений перфекта

возросло. С одной стороны, это естественно происходит за счет выравнивания дисбаланса частотности лично-числовых форм перфекта (напомним, что в ст.-сл. самой частотной формой перфекта была форма второго лица единственного числа) – так, в частности, пополняется количество экспериенциальных употреблений в Евангелии. С другой стороны, что существенно, перфект появляется и в ряде результативных контекстов. Ниже мы составили небольшую (неполную) выборку тех контекстов, где в Мариинском Евангелии представлена аористная форма, а в болгарском переводе нового завета – перфект. Мы использовали два болгарских перевода – перевод Неофита Рильского, издание 1850 года [НР 1850]; приводится первым после цитаты из Мариинского Евангелия, номер примера с одним штрихом), и современный перевод, размещенный в интернете Всемирным центром перевода Библии (World Bible Translation Center, <https://give.bibleleague.org/resources/bible-download/bulgarian-new-testament>; приводится вторым, номер примера с двумя штрихами):

32 1 рече еи ѿнѣль. не бои сѧ маріе. **обрѣте** бо благодать отъ ба. (Lk. 1.30)
 32' не бойсе Маріамъ зашто **си намерила** благодать оу Бѣа
 32" —

33 Рече же емоу правѣ **отвѣшта** се твори и живѣ бѣдешѣ. (Lk. 10.28)
 33' правѣ **си ѿговориль**
 33" правильно **отговори**

34 онѣ же рече **всѣ си съхранихъ** изъ юности моеѣ.
 34' сички те тѣа самѣ **сохраниль** отъ младость та си
 34" отъ дете **спасвам** тази заповеди. (Lk. 18.21)

35 Гла еи ѿсѣ. что естъ мнѣ и тебѣ жено. **не оу приде** година моѣ.
 35' юще не **е дошло** времето ми
 35" моето време еше не **е настѣпило** (In. 2.45)

36 вѣроуѣи во нь не бѣдетъ осжждень. а не вѣроуѣи юже осжждень
 естъ. ѣко **не вѣрова** въ іма иночдааго сѣна бжѣи. (In. 3.18)
 36' зашто не **е повѣровалъ** во име то на единороднагѣ Сына Бжѣи
 36" зашто не **е повярвал** в единствения Божий Син

37 възсѧ же камень идеже бѣ оумеры лежа. іс же възведе въ іспрь очи и
 рече. Отче хвалѣж тебѣ въздаѣж. **ѣко оуслыша** ма (In. 11.41)
 37' благодаримъ те зашто **си ме послушалъ**
 37" благодаря ти че ме **чу**

38 1 рече еи за слово се иди. **ізде** бѣсѣ изъ дѣштере твоєѣ. (Mk. 7.29)
 38' за това слово иди: **излѣзе** дѣаволо ѿ дѣщерка та ти
 38" затова можеш да си вървиш – демонът **е излязъл** отъ дѣщеря ти

- 39 1 отъвѣштавъ иѣсъ рече имъ. ѣко на разбоиника ли **изидете** съ ржъемь и дръкольми ѣти ма. (Мк. 14.48)
- 39' като на разбойникали **излѣзохте** съ ножове и с тоаги да ме фанете
- 39'' нима **сте дошли** да ме заловите с ножове и тояги, сякаш съм престъпник?
- 40 пилать же глаше имъ что бо зъло **сътвори**. они же лише възпиша пропъни и. (Мк. 15.14)
- 40' и какво **е** зло **сътворилъ**?
- 40'' какво престъпление **е извършил**?
- 41 Едини же отъ нихъ идж къ фарисѣомъ. и рѣша имъ еже **сътвори** иѣс (In. 11.46)
- 41' и казаха им щото **направи** Исус
- 41'' и имъ разказаха какво **е извършил** Исус.
- 42 Нынѣ дѣша моѣ възмжти са. 1 что рекж. отче спси ма отъ години сега. нъ сего ради **придъ** на годинж сиѣж. (In. 12.27)
- 42' но затова **дойдохъ** на тса часъ
- 42'' Но нали затова **съм дошъл** на този свят, за да страдам!
- 43 Прѣжде же праздника пасцѣ. вѣды иѣсъ ѣко **приде** емоу година. да прѣидеть отъ мира сего къ отцо. (In. 13.11)
- 43' понеже знаеше Исус чему **дойде** часо ...
- 43'' Исус знаеше че **е дошло** времето ...
- 44 вѣды иѣсъ вѣсъ **дасть** емоу отцъ въ ржцѣ. 1 ѣко отъ ба **изиде** и къ боу грдеть. (In. 13.3)
- 44' Понеже знаеше Исусъ защо Оцѣ сичко му **е предаль** на ржце те и ѿ Бга е излѣзълъ и кодъ Бга ѿива.
- 44'' Но Исус знаеше че Отец **е предал** всичко в ръцете му и че той от Бога е дошъл и при Бога ще се върне.

Кроме того, доля результативных употреблений перфекта увеличивается за счет приобретения этой формой значения косвенной эвиденциальности, а именно, инферентива (говорящий наблюдает результат ситуации либо какие-то более косвенные свидетельства того, что ситуация имела место, но лично он ее не наблюдал):

- 45 1 гла емоу. вѣсъкъ члвкъ прѣжде доброе вино полагаатъ. 1 егда оу пижтъ са тогда тачѣ. ты же **съблюде** доброе вино до селѣ. (In. 2.10)
- 45' а ты **си скрылъ** хубаво то вѣно до сега
- 45'' а ты **си запазил** най-хубавото вино досега

- 46 пришедъше же раби гина рѣша емоу ги. не добро ли сѣма сѣлъ еси на селѣ твоємъ. отъ коудж оубо иматъ плѣвель. онъ же рече имъ врагъ члвкъ се **сътвори**. (Mt. 13.27–28)
- 46' —
- 46" Откъде ся **дошли** тези плевели?
Стопанинът отговори: Някой враг е направил това.
- 47 слышавъ же иродъ рече. ꙗко егоже азъ оусѣкнѣхъ иоана съ естъ. ть **въста** отъ мрътвыхъ (Mk. 6.16)
- 47' защо оный Іваннь когото азъ посѣкохъ, той е; он **е възкресналь** ѿ мрътви те
- 47" Иоан, когото аз обезглавих. **е възкръснал** от мъртвите
- 48 онъ же рече къ нимъ. азъ брашньо имамъ ꙗсти егоже вы не вѣсте. ꙗлахъ же оученици къ себѣ. еда кто **принесе** емоу ꙗсти. (In. 4.32–33)
- 48' да ли нѣкой му **донесе** да яде
- 48" Дали някой не му **е донесъл** нещо за ядене?
- 49 ꙗ възъпивъ и много прѣжавъ са изиде. ꙗ бысть ꙗко мрътъвъ. ꙗко мнози ꙗлахъ ꙗко **оумрътъ**. (Mk. 9.26)
- 49' и быде като мрътъвъ, щото мнозина говореха че **оумре**
- 49" то лежеше като мрътво и много от хората си помислиха че е **умряло**

5 Выводы

Итак, можно видеть, что в болгарском семантическое развитие перфекта идет несколько иным путем, чем в македонском. В обоих языках перфект сохраняет исходные характеристично-экзистенциальные употребления, присущие старославянскому перфекту. Что же касается резултативной семантики, то в македонском для выражения этого значения была грамматикализована новая перфектная форма, в болгарском же л-перфект, оставаясь единственной перфектоподобной формой в глагольной системе, демонстрирует постепенное наращивание резултативных употреблений. Доля резултативных употреблений перфекта в болгарском несколько возрастает по сравнению со старославянским, что также подтверждает нашу мысль о том, что неправомерно говорить о постепенной утрате южнославянским перфектом резултативной семантики, так как на самом деле наблюдается противоположная тенденция.

Говоря о диахронической эволюции перфекта, исследователи обычно подразумевают приобретение формой перфекта принципиально иных грамматических значений (например, значений косвенной эвиденциальности или значения немаркированного претерита). При этом, хотя фактически общим местом является, что перфект представляет собой кластер значений (часто всего в него в той или иной комбинации включаются резултативное, экспериенциальное, инклюзивное и им-медиатное значения, см., например, [Dahl 1985: 132–33]), а) за исходное значение

перфектной формы всегда принимается результативное (ср. Bybee et. al 1994: 105, Dahl 1985: 135, Плунгян 2016: 23–26) и б) диахронические отношения между значениями внутри перфектного кластера остаются за рамками типологических исследований.

Однако, как показывает настоящее исследование, в старославянском перфект мог *исходно* иметь экзистенциально-характеризационное, а не результативное значение. Таким образом, возможно, что в типологическую картину развития перфекта следует включить, наряду с исходно результативными перфектами, исходно экзистенциально-характеризационные перфекты, представленные старославянским и его наследниками, болгарским и македонским. Этот перфект, возникший не из результативно-посессивной *иметь*-конструкции, а из бытийной конструкции с не результативным, а характеризационным причастием, вероятно, может представлять особую разновидность перфекта, до сих пор не занимавшую должного места в типологическом портрете этой граммемы и в изучении диахронических путей ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Joan L. BYBEE et. al, 1994: *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: The University of Chicago Press. Östen DAHL, 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell.
- Victor A. FRIEDMAN, 1981: Admirativity and confirmativity. *Zeitschrift für Balkanologie* 17/1. 12–28.
- Victor A. FRIEDMAN, 2004a: Evidentiality, Modality, and Narrative in Macedonian and Other Balkan Languages. Brian D. Joseph & M. A. Johnson (eds.). *Macedonian Studies. Papers from the Fifth International Macedonian–North American Conference on Macedonian Studies*. Columbus: Ohio.
- Victor A. FRIEDMAN, 2004b: The typology of Balkan evidentiality and areal linguistics O. Mišeska Tomić (ed.) *Balkan Syntax and Semantics*. Amsterdam: Benjamins. 101–34.
- Catherine M. MACROBERT, 2013: The Competing Use of Perfect and Aorist Tenses in Old Church Slavonic. *Slavia – časopis pro slovanskou filologii* 82/4. 387–407.
- Radoslav VEČERKA, 1993: *Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Die innere Satzstruktur*. Monumenta linguae slavicae XXXIV (XXVII, 2). Freiburg: U. W. Weicher.
- Нина Д. АРУТЮНОВА, 1980: *Типы языковых значений: Оценка. Событие*. Факт. М.: Наука, 1988.
- [Nina D. ARUTJUNOVA, 1980: *Typy jazykovyh značenij: Ocenka. Sobytie. Fakt*. М.: Nauka, 1988.]
- Ирина К. БУНИНА, 1959: Система времен старославянского глагола. М.: Издательство Академии наук СССР.
- [Irina K. BUNINA, 1959: *Sistema vremen staroslavjanskogo glagola*. М.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.]

- Ирина К. Бунина, 1970: *История глагольных времен в болгарском языке. Времена индикатива*. М.: Наука.
- [Irina K. BUNINA, 1970: *Istorija glagol'nyh vremen v bolgarskom jazyke. Vremena indikativa*. М.: Nauka.]
- Андре Вайан, 1952: *Руководство по старославянскому языку*. Пер. с франц. М.: Издательство иностранной литературы.
- [André VAILLANT, 1952: *Rukovodstvo po staroslavjanskomu jazyku*. Per. s franc. М.: Izdatel'stvo inostrannoј literatury.]
- Наталия В. Вострикова, 2009: Экспериментивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций. *Вопросы языкознания* No. 3. 19–31.
- [Natalija V. VOSTRIKOVA, 2009: Eksperimentivnye predloženija: grammatikalizacija diskursivnyh funkcij (Experiential sentences: On grammaticalization of discourse functions). *Voprosy Jazykoznanija* No. 3. 19–31.]
- Мария Деянова, 1970: *История на сложните минали времена в български, сръбохърватски и словенски език*. София: Институтът за български език.
- [Marija DEJANOVA, 1970: *Istorija na složnite minali vremena v bălgarski, sărbohărvatski i slovenski ezik*. Sofija: Institutăt za bălgarski ezik.]
- Андрей А. Козлов, 2016: Мокшанский результатив и диахрония результативной конструкции. *Вопросы языкознания* No. 1. 51–75.
- [Andrej A. KOZLOV, 2016: Mokšanskij rezul'tativ i diahronija rezul'tativnoj konstrukcii (Moksha mordvin resultative and the diachrony of resultative constructions). *Voprosy Jazykoznanija* No. 1. 51–75.]
- Тимур Майсак, 2016: Перфект и аорист в ниджском диалекте удинского языка. Ред. Тимур Майсак, Владимир Плунгян, Ксения Семёнова. Исследования по теории грамматики, вып. 7: Типология перфекта. *Acta linguistica Petropolitana*. XII/2. 315–78.
- [Timur MAJSKAK, 2016: Perfekt i aorist v nidžskom dialekte udinskogo jazyka. Red. Timur Majsak, Vladimir Plungian, Ksenija Semënova. Issledovanija po teorii grammatiki, vup. 7: Tipologija perfekta. *Acta linguistica Petropolitana*. XII/2. 315–78.]
- Тимур Майсак, Владимир Плунгян, Ксения Семёнова (ред.), 2016: Исследования по теории грамматики, вып. 7: Типология перфекта. *Acta linguistica Petropolitana* XII/2.
- [Timur MAJSKAK, Vladimir PLUNGIAN, Ksenija SEMËNOVA (red.), 2016: Issledovanija po teorii grammatiki, vup. 7: Tipologija perfekta. *Acta linguistica Petropolitana* XII/2.]
- Анастасия Л. Макарова, 2016: О формах и функциях перфекта в западномакедонских диалектах. Ред. Тимур Майсак, Владимир Плунгян, Ксения Семёнова. Исследования по теории грамматики, вып. 7: Типология перфекта. *Acta linguistica Petropolitana* XII/2. 217–34.
- [Anastasija L. MAKAROVA, 2016: O formah i funkcijah perfekta v zapadno makedonskih dialektah. Red. Timur Majsak, Vladimir Plungian, Ksenija Semënova. Issledovanija po teorii grammatiki, vup. 7: Tipologija perfekta. *Acta linguistica Petropolitana* XII/2. 217–34.]
- HP 1850 — Новый Завѣтъ Господа Нашего Иисуса Хрїста сега ново переведенный ѿ Славенскагѡ на Болгарскїй ѡзыкъ ѡтъ Неофѡвта Иеромонаха П. П. Рыльца. Изданїе второ. Въ Смѣрнѣ, въ тѣпографїи А. Дамїанова, 1850. [Novyj Zavet'' Gospoda Našego Iiusa Xrista sega nogo perevedennyj ot Slavenskago na Bolgarskij

- ezyk” ot” Neofita Iero-monaha P. P. Ryl’ca. Izdanie vtoro. V” Smýrně, v” týpografii A. Damianova, 1850.]
- Владимир А. Плунгян, 2011: *Введение в грамматическую семантику*. М.: Издательство РГГУ, 2011.
- [Vladimir A. PLUNGIAN, 2011: *Vvedenie v grammatičeskiju semantiku*. М.: Izdatel’stvo RGGU, 2011.]
- Владимир А. Плунгян, 2016: К типологии перфекта в языках мира: предисло вие. Ред. Тимур Майсак, Владимир Плунгян, Ксения Семёнова. Исследования по теории грамматики, вып. 7: Типология перфекта. *Acta linguistica Petropolitana XII/2*. 7–36.
- [Vladimir A. PLUNGIAN, 2016: К типологии перфекта в языках мира: predislovie. Red. Timur Majsak, Vladimir Plungian, Ksenija Semënova. Issledovanija po teorii grammatiki, vup. 7: Tipologija perfekta. *Acta linguistica Petropolitana XII/2*. 7–36.]
- Дмитрий В. Сичинава, 2016: Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса. Ред. Тимур Майсак, Владимир Плунгян, Ксения Семёнова. Исследования по теории грамматики, вып. 7: Типология перфекта. *Acta linguistica Petropolitana XII/2*. 85–114.
- [Dmitrij V. SiČINAVA, 2016: Evropejskij perfekt skvoz’ prizmu parallel’nogo korpusa. Red. Timur Majsak, Vladimir Plungian, Ksenija Semënova. Issledovanija po teorii grammatiki, vup. 7: Tipologi perfekta. *Acta linguistica Petropolitana XII/2*. 85–114.]
- Анна Ю. Урманчиева, 2016: «Антиподы» перфекта в самодийских языках: ненецкое прошедшее время. Ред. Тимур Майсак, Владимир Плунгян, Ксения Семёнова. Исследования по теории грамматики, вып. 7: Типология перфекта. *Acta linguistica Petropolitana XII/2*. 475–534.
- [Anna Ju. URMANČIEVA, 2016: «Antipody» perfekta v samodijskih jazykah: neneckoe prošedšee vremenja. Red. Timur Majsak, Vladimir Plungian, Ksenija Semënova. Issledovanija po teorii grammatiki, vup. 7: Tipologija perfekta. *Acta linguistica Petropolitana XII/2*. 475–534.]

POVZETEK

Prispevek obravnava pomenske značilnosti starocerkvenoslovanskega perfekta, analitične glagolske oblike, sestavljene iz *l*-deležnika polnopomenskega glagola in sedanjiških oblik pomožnika *byti*.

Osrednji cilj prispevka je oris pomenskih značilnosti starocerkvenoslovanskega perfekta glede na tipološke lastnosti oblik v različnih jezikih.

Na podlagi sopostavitve starocerkvenoslovanskih oblik perfekta in aorista smo prišli do naslednjih zaključkov:

- a) rezultativni pomen se pogosto izraža z oblikami aorista;
  - b) nerезультативni pomen konteksta ne vpliva na rabo oblik perfekta.
- Starocerkvenoslovanski perfekt torej ni povezan z izražanjem rezultativnega pomena.

Glede pomena starocerkvenoslovanskih oblik perfekta opozarjamo na naslednje značilnosti:

- a) perfekt se pogosto uporablja v *eksistencialnih* in posebej v *doživljajskih* kontekstih: situacija je bila vsaj enkrat umeščena v preteklost;
- b) perfekt se pogosto uporablja v kontekstih, kjer situacija ne opisuje samo sebe, temveč izraža bistvene značilnosti oseba v vlogi vršilca dejanja (ali protagonista fragmenta besedila)
- c) za glagole, ki so v rabi v perfektu, pogosto velja, da ne opisujejo konkretnih, časovno umeščenih situacij, temveč povzemajo določeno zaporedje dogodkov; takšno rabo označujemo kot *interpretacijsko*.

V prispevku dokazujemo, da se raba cerkvenoslovanskega perfekta nanaša na vrsto pomenov, ki niso povezani z rezultativnim pomenom. Ker tipološke raziskave vedno izhajajo iz stališča, da je prvotni pomen perfekta povezan z rezultativom, bi bilo smiselno predpostaviti, da je odsotnost rezultativnega pomena tudi posledica izgube tega pomena v rabi. V prispevku zagovarjamo drugo hipotezo, in sicer poskušamo dokazati, da rezultativna raba prvotno sploh ni bila značilna za cerkvenoslovanski perfekt. Našo hipotezo potrjuje primerjava rabe cerkvenoslovanskega perfekta z rabo perfekta v makedonščini in bolgarščini.

Domnevamo, da je primeru starocerkvenoslovanskega perfekta pomensko težišče te oblike doživljajskost (eksperiencialnost) ali natančneje eksistencialnost. To pa pomeni, da je v tipološko shemo razvoja perfekta v različnih jezikih treba poleg rezultativnega pomena vključiti še prvotno eksistencialno-lastnostne perfekte, ki so značilni za cerkvenoslovansčino in njena naslednika – bolgarščino in makedonščino. Posebna različica perfekta, ki ni nastala iz rezultativno-svojljne zgradbe z *imeti*, temveč iz zgradbe z *biti* in deležnikom, ki pripisuje lastnost, zaenkrat ostaja na področju tipologije perfektov in diahronije razvoja oblik perfektovnih oblik še vedno slabo raziskana.